

Чэнь Янян

*(Пекинский университет иностранных языков,
Пекин, КНР)*

ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»

Аннотация. В статье анализируется своеобразие поэтики художественного времени в «Письмах русского путешественника» как одной из важнейших особенностей карамзинского повествования. Рассматривается проблема тайнописи, шифра, сознательно созданных Карамзиным в своей книге. Категория времени в книге осмысливается и с точки зрения психологии художественного восприятия в свете идей трактата Лессинга.

Ключевые слова: художественное время, русская литература, русские писатели, литературное творчество, тайнопись, шифры.

Разговор о художественном времени в «Письмах русского путешественника» сводился, по существу, к двум аспектам: либо к вопросу о соотношении реальной хронологии карамзинской поездки в Европу и ее отражения на страницах книги [Лотман 1987], либо к характеристике исторического мышления писателя [Макогоненко 1981: 3–65]. Здесь же задача анализа представляется иной: описать именно поэтику художественного времени карамзинского повествования, времени как философско-эстетической категории в сознании Карамзина и его героя и времени как начала, организующего мирообраз произведения и характеризующего самоощущение человека в живом, динамично меняющемся мире. В качестве рабочей гипотезы примем следующую мысль: живой, подвижный, развивающийся повествовательный дискурс Карамзина определялся обостренным ощущением времени в различных его аспектах: времени личного и исторического, стремительно несущегося в особых культурно-психологических феноменах «застывшей памяти», «сохраняемого», «воскрешаемого» прошлого, времени реального и воображаемого и т.п.

Столь пристальное внимание к проблеме времени у

Карамзина вполне отвечало и духу эпохи, и взглядам его философских наставников. По словам Канта, «время есть... форма внутреннего чувства, то есть представления нас самих и нашего внутреннего состояния». В этом случае время – главное условие ориентации человека в окружающем мире и основа чувственного и интеллектуального познания мира и самого себя. Понятие времени соприродно душе человека; «время... есть непосредственное также условие внешних явлений»; «время... есть... действительная форма внутреннего созерцания... Если устранить частное условие нашей чувственности, то исчезнет также понятие времени; оно присуще не самим предметам, а только субъекту, который их созерцает» [Кант 1994: 56–59].

Таким образом, трактовка времени получала философско-эстетическое обоснование как своеобразный переходный феномен, как категория, которая лежит между объективным миром внешних предметов и явлений и субъективным миром личности, внутреннего «я» индивидуума. И постижение времени становилось основной как для одухотворения, «субъективизации» восприятия мира человеком, так и для достижения истиной глубины и объективности в познании им себя самого. Постигая время как априорную форму познания вещей, человек получал возможность уникального психологического опыта – опыта самосознания, постижения своего «я» как воспринимающего, чувствительного, открытого впечатлениям окружающего мира.

Именно таким представляется видение времени в «Письмах...» Карамзина – и именно поэтому время становится принципиально важной частью художественного мирообраза в его книге. На особое восприятие феномена времени настраивала уже эпистолярная форма произведения. Повествование, которое ведется в форме писем, естественно предполагает временной разрыв между повествуемым событием и фактом рассказа о нем. По существу, именно эпистолярная форма может быть признана наиболее органичной и естественной мотивировкой для «эпического прошедшего времени» в повествовании: именно там преобладание глагольных форм прошедшего времени выражает объективный характер рассказа о событиях, так как

именно в эпистолярной форме это «эпическое прошедшее» время оказывается подкреплено еще и четко выстроенной в самом тексте «ситуацией рассказывания». В этом смысле эпистолярная форма книги Карамзина знаменовала собой принципиально новый тип «эпистолярности» в сравнении с «Письмами Эрнеста и Доравры» Ф. Эмина, усваивавшими возможности популярного в европейской литературе сентиментализма «романа в письмах» Ж.-Ж. Русо и С. Ричардсона. «Роман в письмах» как таковой передавал элементы авторского начала героям произведения, что создавало, прежде всего, новые пути психологизации повествования. «Роман в письмах» открывал внутренний мир героев, получавших возможность непосредственно выразить свое видение явлений и событий. Эпистолярность же книги Карамзина приводила и к «самопроявлению» собственно повествователя, который в этом случае переставал быть просто безразличной фигурой – рупором некоего неперсонифицированного высшего знания о мире. Повествователь, раскрывающий специфику своего мировосприятия в письмах, отныне мог в наиболее органичной форме воссоздать именно свое неповторимое видение явлений и событий, свой рассказ как главное «великое дело» собственной жизни и собственного сюжета.

Как уже было отмечено, концепция времени в «Письмах...» опиралась на субъективизированное отношение ко времени как специфически человеческой форме познания мира. Время – это некая особая способность души, и именно активность субъективного, человеческого восприятия времени способствует преодолению временного парадокса, согласно которому прошлого уже нет, будущего еще нет, настоящего же нет по определению, поскольку оно столь текуче, что не может рассматриваться как нечто фиксированное. Однако субъективная способность человеческой души преодолевает этот парадокс: направленные волевые действия души позволяют воспринимать прошлое, настоящее и будущее в категориях соответственно «воспоминания», «внимания» и «ожидания». Душа человека в осмыслении Карамзина столь неистощима в способностях своего эмоционального и чувственного восприятия, наделена

возможностью столь живого и продуктивного воображения, что по существу обнимает собой время, развертывая каждый момент бытия во временной перспективе настоящего – прошедшего – будущего. Связь эта, по мысли Карамзина, – своеобразный залог неразрывного единства между физическим существованием человека и его ментальными способностями, между повседневными впечатлениями бытия и эмоционально-ассоциативной жизнью его души, питающейся этими впечатлениями. Настоящее – это своеобразное физическое и эмоциональное единство «здесь-и-сейчас» существующей души; но при всем богатстве этих впечатлений человек наделен чудесной способностью развертывать их в душе – в проекциях, ведущих к прошлому и будущему, – в воспоминаниях или мечтах, желаниях, предошущениях.

Внутреннее эмоционально-образное единство восприятия различных временных планов достигается в книге Карамзина в первую очередь благодаря сложной диалектике развития мотива путешествия. Субъективная окрашенность категорий прошлого, настоящего и будущего, безусловно, задается уже в первой фразе, открывающей книгу Карамзина: «Расстался я с вами, милые, расстался! Сердце мое привязано к вам всеми нежнейшими своими чувствами, а я беспрестанно от вас удаляюсь и буду удаляться!».

Расставание произошло; это факт, совершившийся в прошлом, но живое стремление души воскрешать прошлое, – память – вновь и вновь возрождает утраченное. Это активизирует своеобразную «силовую линию», соединяющую различные временные планы повествования: настоящее и прошедшее. Мысль рассказчика направлена и в будущее; воображая, каким будет его путешествие, он предошущает и свои воспоминания об утраченном, по существу, воссоздавая линию «настоящее – прошедшее», «будущее – прошедшее» в каждый момент реальной – и воображаемой поездки.

Именно воображаемое прослеживание предполагаемого пути становится у Карамзина дополнительным мотивом, усложняющим структуру художественного времени в раскрытии темы путешествия. Подобное прочерчивание временной линии –

от прошлого к будущему, затем от настоящего к прошлому и вновь от настоящего к будущему оказывается задано в начале книги в связи с мотивом ненаписанного романа рассказчика: он мечтал создать книгу о путешествии, и первые его сцены действительно воспроизводили бы обстоятельства, сопровождающие его реальное путешествие, и таким образом реальное путешествие заставляет, в свою очередь, вспомнить про так и не написанный роман, мотивы которого, однако, реализовались в письме к друзьям.

Субъективная эмоциональная окрашенность временных категорий, достигаемая благодаря напряженным усилиям души в воспоминании прошедшего и в мечте о будущем, раскрываются и в сценах размышлений путешественника о желанной встрече с любезным А*. Посещая Лейпциг в настоящем путешествии, повествователь обращается в мыслях к прошедшему и к своим – тогдашним – мечтам. Лирически-субъективное воспоминание (прошедшее) окрашивает своими эмоциональными обертонами настоящее (будущее); временные планы вновь наплывают друг на друга, четкие границы вновь размываются. Приведенный фрагмент интересен еще и тем, что здесь Карамзин вводит в текст книги отчетливо автобиографический мотив.

Время может возвращаться благодаря повторению сходных или даже одинаковых событий, создающих у человека эффект своеобразного дежа вю, либо действительного воспоминания, воскрешающего прошедшее. Своеобразным символом такого возвратившегося времени становится в книге Карамзина образ сада и девушки-цветочницы, обратившейся к путешественнику. В сходном ключе обыгрываются и специфические «возможные сюжеты» читательских ожиданий, которые перечеркиваются благодаря ироничной игре повествователя, вновь и вновь подчеркивающего в своем рассказе то, что, казалось бы, должно быть скрыто.

Ожидание традиционного описания, которое как будто бы готово встроиться в текст именно там, где оно должно быть, тут же разрушается, подобно воздушному замку; реальное оказывается воображаемым, и сам текст словно «снимается», как нечто небывшее. Душа человека глубинным напряжением

своих сил и способностей воссоздает в каждый момент бытия онтологическое единство времени; единство же временного движения, в котором ничто не исчезает и не является недостижимым, восстанавливает единство человеческой души, не позволяя ей впасть в отчаяние от невозможности вернуть утраченное или достичь желаемого.

Проблема восприятия Карамзиным идей трактата Лессинга «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» представляется вполне естественной уже в силу специфической организации содержательного плана «Писем...». Карамзин-повествователь здесь, стремясь познакомить русскую публику с разнообразнейшими памятниками культуры европейских стран, нередко вынужден осуществлять «перевод» произведений искусства, переносить их из одной художественной системы в другую, давая словесное описание картин, скульптур, архитектурных сооружений, восприятие которых изначально предполагает именно зрительный эффект.

Таким образом, основой поэтики времени в «Письмах русского путешественника» выступают, с одной стороны, размышления о субъективной окрашенности времени, сформулированные Кантом, с другой, – эстетические выкладки Лессинга, видевшего время одним из отличительных признаков поэзии как высшего вида искусства. Многоаспектное содержание книги Карамзина позволило ему выстроить достаточно сложную, многосоставную концепцию времени, восприятие которого предстает в карамзинском художественном мире как одна из главных психологических составляющих повествования. Подобный образ времени как нельзя лучше отвечал природе карамзинского текста – того живого, динамичного, «становящегося» повествования, построение которого и было главной целью Карамзина – автора «Писем русского путешественника».

Литература

Данилевский Р. Ю. Лессинг в русской литературе XVIII в. // Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л. : Наука, 1967. С. 282–306.

Иванов М. В. Проблемы истории и французская революция в творчестве Карамзина 1790-х гг. // Русская литература. 1974. № 2. С. 134–142.

Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. И. О. Лосского. М. : Мысль, 1994.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л. : Наука, 1987.

Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М. : Книга, 1987.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л. : Наука, 1987. С. 525–606.

Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма в русской литературе // XVIII век. Сб. 13. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. Л. : Наука, 1981. С. 3–65.

УДК 821.161.1-31(Гоголь Н. В.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)52-8,44

Ю.А. Забуряева

*(Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва, Россия)*

МОТИВ РАЗРУШЕНИЯ СЕМЬИ И ДОМА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме разрушения домашнего уклада и семейных ценностей героев произведений Н.В. Гоголя. Посредством анализа психологии героев рассматривается связь между описаниями образа дома и характером персонажей. На примере трех авторских произведений: «Старосветские помещики», «Майская ночь, или Утопленница», «Мертвые души» – проанализирована тема семьи и дома, приводящая к проблеме вырождения гоголевского персонажа и деградации окружающего его мира.

Ключевые слова: русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные образы, литературные мотивы, литературные сюжеты, семейные отношения.